

Научная статья

УДК 94(47)“1953/1964”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.56.17

Трансформация семейно-брачных отношений в российской деревне в период «оттепели»

Михаил Сергеевич Чирков

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, Самара, Россия, mich.chirk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6259-2417>

Аннотация. В статье выявлены основные тенденции семейно-брачных отношений в российской деревне периода первой половины 1950-х — начала 1960-х годов. Отмечено, что время «оттепели» стало переломным в контексте социально-демографического развития России. В сельской местности начался процесс трансформации традиционной крестьянской семьи. В частности, на примере Куйбышевской области выявлены следующие тенденции: сокращение количества заключенных браков, распространение практики сожительства. Перестали быть отклонением от нормы холостячество и одинокое материнство. На фоне миграций в города уменьшилось количество семей, создаваемых в сельской местности. По сравнению с началом XX века до 20—24 лет увеличился возраст вступления в брак, возросло количество разводов. Основным типом семейных связей становилась нуклеарная семья с 1—3 детьми. Составная семья в период «оттепели» продолжала сохраняться в промышленно развитых поселках, что было обусловлено их ускоренным развитием и перенаселенностью.

Ключевые слова: российская деревня, демография, семейные отношения, брак, развод, миграция, нуклеарная семья, Куйбышевская область.

Для цитирования: Чирков М. С. Трансформация семейно-брачных отношений в российской деревне в период «оттепели» // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 4 (56). С. 271—282. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/56/17_56_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.56.17.

Original article

Transformation of family and marriage relations in the Russian rural area during the “Thaw” period

Mikhail S. Chirkov

Samara National Research University, Samara, Russia, mich.chirk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6259-2417>

Abstract. The article identifies the main trends in family and marriage relations in the Russian rural area during the first half of the 1950s and early 1960s. It is noted that the “Thaw” period marked a turning point in Russia’s socio-demographic development. The traditional peasant family began to transform in rural areas. In particular, using the example of the Kuibyshev region, the following trends were identified: fewer marriages and more concubinage. Single-parent households and single mothers were no longer considered abnormal. Against the background of urban migration, the number of families created in rural areas was decreasing. Compared to the beginning of the 20th century, the age of marriage increased (up to 20—24 years), as well as the number of divorces. The main type of family structure was the nuclear family with 1—3 children. During the “Thaw” period, the extended family continued to exist in industrialized settlements due to their rapid development and overpopulation.

© Чирков М. С., 2025

Keywords: Russian village, demographics, family relations, marriage, divorce, migration, nuclear family, Kuibyshev region.

For citation: Chirkov M. S. Transformation of family and marriage relations in the Russian rural area during the “Thaw” period. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 4 (56), pp. 271—282. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.56.17>.

Введение

Социально-демографический фактор является одним из определяющих для развития Российского государства, поскольку от численности населения, его социальной и половозрастной структуры зависит устойчивость общественно-политической и социально-экономической системы страны. В современной России проблеме повышения демографического потенциала уделяется большое внимание, так как отрицательная динамика народонаселения грозит постепенной депопуляцией большого числа народов (прежде всего русского), проживающих на территории нашей страны.

Представители различных научных отраслей гуманитарного знания, в том числе историки, ведут активный научный поиск в рамках исследования демографических проблем. В этом отношении необходимо отметить в первую очередь научные труды Г. Е. Корнилова, в которых содержится концепция «аграрного перехода», суть которой сводится к тому, что Россия в XX в. переживала период экономической, демографической и культурной трансформации, вызванной переходом от аграрного к индустриальному развитию [13]. В частности, Г. Е. Корнилов отмечает изменения типа воспроизводства населения, сельской семьи и роли женщины в указанный период. Подробно исследует вопросы демографического развития В. Б. Жиромская, акцентируя внимание на вопросах трансформации сельской семьи, в том числе переход от многодетности к малому составу [7].

Анализом миграционных перемещений в контексте демографического переустройства XX столетия занимается В. А. Исупов [9].

Значительный вклад в изучение вопросов хозяйственного переустройства страны внес В. А. Ильиных, предложив принцип дискретности, позволяющий вычленить различные этапы социально-экономической и демографической истории. Исследователь считает, что адаптивные практики советского крестьянства были направлены в том числе на противодействие демографическим изменениям и на сохранение традиционной семьи [8].

Влияние демографических факторов на развитие аграрной модели в период «оттепели» затрагивают М. А. Безнин и Т. М. Димони [2]. Они полагают, что сокращение крестьянского населения, его переселение в города способствовало переходу от аграрного общества к индустриальному, вело к «пролетаризации» различных категорий сельских тружеников. Противоположных взглядов придерживается О. М. Вербицкая [3]. Она считает, что, несмотря на демографические перемены XX столетия, сельская семья в основном сохранилась, выполняя основную задачу — собственное воспроизводство.

Тенденции демографического развития сельского социума в своих исследованиях анализирует В. В. Кондрашин, представляя крестьянство одним из главных субъектов российской истории [12]. Противоположных оценок придерживается В. П. Попов, выдвигающий положение о сельской миграции в города в качестве доказательства пренебрежения властью интересами крестьянства [17].

В российских регионах изучению народонаселения периода «оттепели» также уделяется существенное внимание. Отметим вклад в разработку этой проблематики сибирских [1; 21; 24], волго-вятских [36] и приуральских [14] историков, исследующих в том числе и национальные демографические особенности.

Для изучения аграрной проблематики в российской провинции крайне важно отметить значение сессий Аграрного симпозиума и конференций регионального объединения историков-аграрников Среднего Поволжья, благодаря которым сформировались современные исследовательские направления. Историки Мордовии, Пензы и Чувашии приняли участие в написании фундаментальной коллективной монографии «СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922—1991)» [22]. Вопросы демографического развития в период 1950—1960-х годов в своих работах анализируют П. С. Кабытов и М. С. Чирков [11], О. А. Сухова и И. Н. Иноземцев [23], А. И. Репинецкий [19], О. Р. Хасянов [25].

Цель исследования, представленного в данной статье, — на основании общесоюзных и региональных статистико-демографических данных, в частности, Куйбышевской области, выявить основные тенденции развития брачно-семейных отношений в сельской местности в период 1953—1964 гг.

В связи с этим решаются следующие задачи: на примере Куйбышевской области проанализировать демографические показатели возраста вступления в брак и его расторжения; оценить влияние социально-экономических и прочих факторов на сокращение сельских семей; выявить особенности эволюции крестьянской семьи при переходе от традиционной к нуклеарной.

Хронологические рамки исследования совпадают с периодом «оттепели» (1953—1964 гг.) — временем изменений подходов в аграрной политике Советского государства.

Общесоюзные переписи населения и другие источники позволяют в общих чертах охарактеризовать демографические процессы, протекавшие в сельской местности, однако привлечение местных, региональных статистических данных дает возможность конкретизировать и углубить знания о развитии брачно-семейных отношений в деревне. В данной статье активно использовались источники по истории Куйбышевской области, которая в указанный период представляла собой яркий пример динамично развивающегося региона, с одной стороны, со значительной численностью сельского населения, а с другой — с постоянно возрастающим удельным весом городского. Урбанизация края была вызвана бурным промышленным развитием, катализатором которого выступила Великая Отечественная война. В Куйбышевскую область были эвакуированы десятки предприятий; в послевоенные годы на этой основе продолжался индустриальный рост — возводились стратегически важные заводы, начала строиться Жигулевская ГЭС.

Источниковую базу статьи составили документы фонда Куйбышевского областного статистического управления и материалы Куйбышевского областного совета, отложившиеся в Центральном государственном архиве Самарской области. Эта историческая информация сопоставляется с аналогичными документами Центрального статистического управления (ЦСУ) при Совете Министров СССР. Использовались также аналитические записки, представляемые в ЦСУ и областные советы по соответствующим запросам, а также сводные и первичные отчеты, характеризующие демографические, экономические и культурные процессы, протекавшие в сельской местности.

При этом нужно отметить, что анализ статистической документации требует освоения исследователями методики подсчетов, которая нередко находит отражение в инструктивных письмах ЦСУ. Безусловно, опираться исключительно на статистические материалы для создания объективного исследования нельзя, так как необходимо привлечение комплекса различных источников. Вместе с тем использование первичных отчетов имеет важное значение, поскольку позволяет проследить изменения не только на уровне района, сельсовета или отдельного села, но и показать динамику трансформации отдельных семей и домохозяйств.

Материалы, впервые вводимые в научный оборот, позволили охарактеризовать различные аспекты семейно-брачных отношений исследуемого периода.

Результаты исследования

Уменьшение народонаселения связывается в массовом сознании с политикой либеральных реформ 1990-х годов, хотя сокращение демографического потенциала обозначилось гораздо раньше. Огромную роль сыграли Первая мировая война, революционные потрясения 1917 г. и Гражданская война. Сказались и трудности в развитии страны в 1920—1930-е гг., и гигантские потери населения в период Великой Отечественной войны. Важно отметить, что негативные процессы, связанные с сокращением численности населения, характерны не только для России, но и для большинства европейских стран. Присутствует влияние объективных факторов, независимых от войн и социальных потрясений, которые предопределили уменьшение населения, сокращение рождаемости, трансформацию института семьи и брака.

Российские ученые-демографы, в частности А. Г. Вишневский, назвали совокупность таких факторов «демографическим переходом». Суть этого подхода состоит в том, что история народонаселения представляет собой последовательное прохождение различных этапов. Первый этап — это аграрное (традиционное) общество, основными характеристиками которого являются высокие показатели смертности, рождаемости и брачности. Второй этап — индустриальное общество с низкими аналогичными показателями. Переход от одной фазы развития к другой знаменуется, как и в известной теории, революцией, только не классовой, а промышленной [4].

В данной работе мы исходим из того, что демографический кризис в деревне, проявившийся уже в начале XX в., связан не столько с политическими и социально-экономическими потрясениями, заставлявшими крестьян пересматривать свое прокреативное и брачное поведение, сколько был проявлением глобальных изменений в отношении к браку, семье и детям. Действительно, в период «оттепели» (1953—1964 гг.), несмотря на улучшение социально-экономического положения крестьян (проводимые реформы при всей их противоречивости облегчали положение колхозников) и усилия государства по укреплению института семьи и брака, социально-демографическая ситуация в деревне продолжала демонстрировать кризисные явления: количество рождений и браков среди сельского населения, как и общая численность сельчан, продолжали снижаться.

Россия, вступив на путь промышленной революции в XIX в., не избежала значительных демографических изменений: постепенно уменьшалось количество рождений, браков и смертей. По подсчетам демографов, коэффициент брачности по 50 губерниям Европейской России неуклонно снижался: с 10,1 в 1867—1871 гг. до 8,3 в 1907—1911 гг. [16, с. 39]. В советский период стремление россиян к заключению брачного союза демонстрировало спад с некоторыми колебаниями: краткий всплеск брачности произошел в начале 1920-х гг., затем наблюдался более продолжительный рост числа браков в первые послевоенные годы и вплоть до конца 1950-х — начала 1960-х гг. [6, с. 97].

При общей тенденции к снижению количества браков динамика этого процесса была различна для городского и сельского населения. В сельской местности жители охотнее заключали браки, чем в городах: от общей численности заключенных в Куйбышевской области браков на сельскую местность приходилось устойчивое большинство. Уже дореволюционная статистика отмечала, что образование брачных пар в городах происходит реже, чем в деревне. По Всероссийской переписи 1897 г. «семейный состав городского населения России отличается от сельского большим процентом холостых и меньшим процентом женатых» [16, с. 29]. По мнению исследователей, это было связано с ростом миграции сельского населения в города, население которых увеличивалось в основном

за счет прибытия жителей (чаще мужчин, чем женщин) из сел и деревень, оставивших семью в родной деревне. Современные исследователи предлагают более развернутую и аргументированную характеристику причин различия демографического поведения в городе и деревне. Они отмечают, что сельские мигранты, прибывая в города, были вынуждены адаптироваться к новым условиям, решать более насущные для себя задачи, а потому создание семьи отходило на задний план [6, с. 67—76].

Вместе с тем во второй половине XX в. изменения начали происходить и в сельском мире. Несмотря на существенные различия в уровнях брачности между городом и деревней, в крестьянской среде постепенно и уверенно наметилась тенденция к снижению количества браков. Так, в Куйбышевской области в 1940 г. на селе заключалось 74% браков, в 1951 г. — 67,32%, в 1952 г. — 64,83%, а в 1953 г. — 62,17% [27, л. 23]. К сожалению, статистика не учитывала данные о количестве безбрачного населения. Можно предположить, что причина сокращения числа браков в наименьшей степени (или вовсе не была) связана с индивидуальным решением отказаться от создания семьи. На наш взгляд, сказывались последствия Великой Отечественной войны и существенный рост числа промышленных предприятий, вводимых в строй в регионе.

И все же, по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., сельское население было преимущественно семейным, связанным общим проживанием или бюджетом. В СССР показатель семейности составлял 91,4% [15, с. 80]. На территории РСФСР он достигал 96,3% (54 052 392 человека). При таких стабильно высоких показателях семейности гораздо меньше мужчин и женщин считали себя состоящими в браке. Только 21 550 641 человек относили себя к женатым и замужним (удостоверяющие данные о регистрации брака при переписи не спрашивали), что составляло 56% от всего населения РСФСР брачного возраста (от 14 до 100 и более лет) и только 40% от семейных (т.е. семья нередко состояла из одного родителя и детей или включала лиц, не находящихся в браке). Из остальных 44% большая часть приходилась на лиц моложе 18 и старше 85 лет. Результаты переписи по Куйбышевской и Ульяновской областям по показателю семейности незначительно отклонялись от республиканского и союзного показателей [20].

При этом важно учесть, что мужчины и женщины по-разному определяли свой брачный статус. На это указывают, например, статистические материалы. По данным, собранным среди сельского населения Куйбышевской области, женатых мужчин было 172 430, в то время как замужних женщин — 171 614, т.е. 816 сельчанок не указали форму и статус отношений со своими партнерами [5].

Таким образом, в указанный период не только уменьшалось количество браков, но и изменялась их форма. Наряду со снижением показателя брачности наметилась тенденция к простому нерегистрируемому сожительству. Несмотря на устойчивость патриархальных семейных норм, осуждавших как холостячество, так и одинокое материнство, в пространстве повседневной жизни такие практики становились, по всей видимости, уже почти привычными. Как досадное, но вполне обыденное явление, свойственное послевоенной крестьянской среде, одинокое материнство нашло отражение в «деревенской» прозе хрущевско-брежневской эпохи. В. Г. Распутин в повести «Прощание с Матерой» описывал подобные случаи, например, когда девушка рождает ребенка не в браке, сталкиваясь с осуждением односельчан. Другая женщина заводит сына от женатого мужчины из той же деревни, который после этого фактически живет на две семьи. В итоге, после пересудов, все участники драмы смиряются с таким положением дел, и незаконная семья не сталкивается с осуждением соседей и даже со стороны законной семьи [18].

Традиционно регистрация брака являлась ответственным шагом. Но иногда заключению брака предшествовало сожительство. Возможно, что в достаточно традиционной

крестьянской среде обретение статуса супругов происходило не только вследствие государственной регистрации, но и в результате признания «молодых» близким окружением, что могло несколько отложить правовое оформление отношений.

Государство со своей стороны стремилось бороться с «фактическими» браками (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.), отказывая им в правовом статусе и придавая им значение «мимоletной случайной связи». Пытаясь обеспечить устойчивость семьи, советская власть тем же указом усложнила процедуру развода. Эта мера не способствовала повышению брачности, поскольку молодые люди, осознавая всю сложность бракоразводного процесса, не спешили регистрировать свои отношения.

Свою роль в этом сыграло, вероятно, и повышение брачного возраста, и связанное с ним уменьшение влияния родительской позиции в выборе супруга. Действительно, к концу 1950-х гг. большинство браков в крестьянской среде заключалось в возрасте от 20 до 24 лет, почти вдвое реже — в возрасте до 20 лет. Для сравнения: в конце XIX в. почти половина всех браков в России (47%) заключалась в возрасте до 20 лет. Перепись населения 1959 г. выявила существенное сокращение данного показателя. Проведенные нами подсчеты на основе этой переписи показали, что в Куйбышевской области общее число вступивших в брак до 20 лет в сельской местности составляло около 1% [5].

Повышение брачного возраста было обусловлено начавшимся в послевоенный период демографическим сдвигом, который наметился десятилетиями ранее. На этот процесс повлиял ряд факторов. Во-первых, изменилось правовое пространство, регламентирующее семейно-брачные отношения. Речь идет о Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г., который установил брачный возраст в 18 лет. Во-вторых, развитие государственной системы образования привело к тому, что обязанность получения образовательного минимума совпала со стремлением родителей обеспечить детям желаемый уровень образования, что привело к удлинению периода детства. Оно теперь завершалось только после окончания учебы, когда молодые люди могли начать трудовую деятельность и обрести экономическую независимость от родителей. В-третьих, усиление влияния среди сельской молодежи новых социально-нравственных норм, соответствующих социалистической морали. Пропаганда созидательного труда для будущего своей страны способствовала привлечению молодежи к участию в освоении целины и крупнейших стройках. Эти факторы влияли на выбор жизненной стратегии, ставящей на первое место трудовую деятельность на благо коллектива. В связи с этим личная жизнь откладывалась на потом. Эти реалии привели к тому, что в брак все чаще вступали в возрасте 20—25 лет, а мнение родителей, бывшее некогда определяющим в матримониальном поведении молодежи, переставало быть настолько значимым.

После 30 лет браки заключались нечасто. Статистика ЗАГСов Куйбышевской области за 1958 г. свидетельствует о снижении показателя брачующихся в возрасте от 30 до 55 лет. Одновременно с этим произошел некоторый всплеск желающих вступить в брак в возрасте 55—60 лет и старше (около 300 браков) [32, л. 80]. Можно предположить, что это связано с тем, что ведение хозяйства в условиях сельской жизни для людей в возрасте было затруднительно, и в случае смерти одного из супругов вдова или вдовец предпочитали вновь создавать семью, чтобы разделить тяготы крестьянской жизни.

Судя по всему, значимую роль в процессе «обезбрачивания» сыграла возросшая популярность разводов. Из общего количества расторгнутых браков, зафиксированных ЗАГСами Куйбышевской области с 1940 по 1958 г., примерно две трети разводов приходилось на город и одна треть — на сельскую местность. Тем не менее численность разводов в деревне в 1950-х гг. медленно, но неуклонно возрастала, постепенно приближаясь к довоенным значениям.

В довоенный период браки распадались чаще (в 1940 г. в сельской местности Куйбышевской области регистрация разводов по отношению к регистрации браков составляла 9,19%). Во многом это происходило из-за относительной простоты процедуры (брак расторгался в административном порядке по заявлению одного из супругов). Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. внес коррективы в процедуру разводов. Был принят судебный публичный порядок расторжения брака, что привело к резкому сокращению количества официальных разводов. В 1951 г. этот показатель составил всего 1,07% по отношению к числу заключенных в этом же году браков. Но уже в 1952 г. он увеличился до 1,65%, в 1953 г. — до 1,9%, в 1957 г. — до 4,34%, в 1958 г. — до 5,2% [32, л. 56; 33, л. 115]. Очевидно, что правительственный указ оказал лишь кратковременный сдерживающий эффект на демографические показатели. Влияние принятых мер на реальную практику семейной жизни проследить трудно, поскольку статистика неоформленных фактических распадов семей не велась.

Кризисные явления в семье возникали чаще всего в промежутке между пятым и девятым годами брачного союза. Именно в это время совершалось большинство разводов. Несколько реже на развод подавали пары после 10—19 лет семейной жизни; меньшее количество расторжений брака приходилось на 3—4 и 1—2 годы совместной жизни. Самый низкий показатель разводов у супругов был в период первого года брака. Мужчины чаще всего разводились в возрасте 30—39 лет, женщины — 25—29 лет, фактически в том возрасте, когда шансы на повторный брак были достаточно велики. Реже всего разводились семейные пары в возрасте 18—19 и старше 60 лет [32, л. 80].

Третьим фактором снижения показателей брачности в сельской местности являлся отток трудоспособного населения, в том числе молодежи, в города и связанное с этим процессом сокращение численности сельского населения. Примечательно стремление молодых людей по достижении совершеннолетия выйти из-под родительского контроля и опеки и начать самостоятельную жизнь отдельно от родителей, что также способствовало укреплению тенденции нуклеаризации семьи.

Изменение отношения сельчан к браку было связано также с трансформацией семейных отношений и представлений о семье. В крестьянской среде, как считается, преимущественно традиционной, патриархальной, происходили медленные, но все же весьма значительные сдвиги в восприятии семейной жизни. Вместо больших составных семей, свойственных крестьянскому быту еще в начале XX в., в середине того же столетия утвердилось нуклеарная семья. Нередко молодая пара еще оставалась в семье родителей мужа или жены, но такие союзы носили скорее вынужденный, чем добровольный характер.

Косвенным подтверждением данного тезиса является расчет примерной численности семьи на основании данных о количестве самостоятельных хозяйств и численности населения. Так, например, на 1 января 1955 г. в с. Переволоки Безенчукского района в 66 колхозных хозяйствах насчитывалось 191 человек. В целом на одно хозяйство приходилось 2,9 человека [26, л. 2]. Такие же расчеты можно представить по более крупным административным единицам — сельсоветам нескольких выбранных районов, по которым удалось выявить соответствующие сведения на 1 января 1955 г. [26, л. 2—5, 10 об. — 16, 30—30 об., 42, 53—54 об., 56—60 об., 68—77, 97, 98—101, 114—118].

Установлено, что в наиболее промышленно развитых пригородных населенных пунктах хозяйства были многочисленнее. В среднем численность совместно проживающих на одно хозяйство составляла от 3 до 4 человек, что свидетельствует об окончательном утверждении в сельской среде нуклеарной семьи с одним, двумя или тремя детьми. Но на территории трех из подвергшихся анализу сельсоветов состав лиц, ведущих совместное

хозяйство, был рекордно высоким. Речь идет о Безенчукском сельсовете Безенчукского района и Георгиевском сельсовете Куйбышевского района, где на одно хозяйство в среднем приходилось 5,3 человека, а в Федоровском сельсовете Ставропольского района этот показатель был еще выше — 8,9. В этих населенных пунктах, входивших в состав указанных сельсоветов, наблюдалась повышенная концентрация населения. Высокая численность семьи на одно хозяйство в Безенчукском сельсовете связана в первую очередь с тем, что Безенчук имел статус районного центра, в котором располагалась железнодорожная станция. В нем жили в первую очередь рабочие и служащие, занятые обслуживанием железной дороги или разработкой нефтяных месторождений. Часть населения занималась сельским хозяйством.

Безенчук был крупным центром с развитой инфраструктурой. К 1957 г. здесь находились не только крупные предприятия, но и достаточно широкая сеть культурных, образовательных и торговых организаций. В 1955 г. численность населения ст. Безенчук составляла 8857, а в 1957 г. — 13 310 человек (из них 5120 человек — рабочие). В 1958 г. населенный пункт получил статус рабочего поселка. В соответствующем решении Куйбышевского облисполкома от 27 марта 1958 г. указывалось, что такое преобразование статуса необходимо в связи со значительным ростом числа промышленных предприятий и населения в районном центре Безенчук, а также с имеющейся перспективой дальнейшего развития в районе нефтяной промышленности [35, л. 146].

Федоровский сельсовет демонстрировал рекордную численность семьи за счет единственного входящего в его состав села Федоровка (на сегодняшний день входит в качестве микрорайона в г. Тольятти Самарской области). В Федоровке насчитывалось 5109 жителей. Такой приток населения во многом был вызван началом масштабного строительства Куйбышевской ГЭС и привлечением рабочих из других регионов страны на эту стройку. Динамично развивающееся село к 1958 г. обладало развитой промышленной (7 промышленных предприятий, 2 транспортных, 1 строительно-ремонтное) и культурно-бытовой инфраструктурой (образовательные, воспитательные, медицинские учреждения, предприятия общественного питания, магазины). В 1958 г. решением Куйбышевского облисполкома от 13 февраля «в связи с тем, что в населенном пункте Федоровка Ставропольского района проживает преимущественно население городского типа» село было преобразовано в рабочий поселок [34, л. 18—19].

Иногда происходили обратные преобразования из городской в сельскую местность, что влекло за собой и соответствующее изменение статуса населения. Однако подобные изменения не носили долгосрочного характера, через какое-то время тенденция к урбанизации брала свое. Например, в 1959 г. в Безенчукском районе был организован Песоченский сельсовет на основании рабочих поселков Безенчук и Осинки. В связи с этим сельское трудоспособное население в указанном районе увеличилось на 1700 человек [28, л. 2]. Однако уже в 1960 г. произошли обратные преобразования, в результате которых был ликвидирован Песоченский сельсовет и населенные пункты переданы в подчинение рабочих поселков Безенчук и Осинки, соответственно из села в город перешло 1475 человек трудоспособного населения, в том числе 684 колхозника [29, л. 16].

Со временем переход из статуса сельских поселений в городские набирал обороты. В 1961 г. в результате административно-территориальных преобразований Больше-Царицынский сельсовет Красноярского района и с. Ветрянка Утевского района были отнесены к категории рабочего поселка, вследствие чего из сельской местности в городскую перешло 3176 человек из трудоспособного населения [30, л. 24]. В 1962 г. часть населенных пунктов из Волжского и Красноярского районов перешли в черту г. Куйбышева и

Новокуйбышевска, в результате 2,8 тыс. человек трудоспособного сельского населения стало городским [31, л. 3].

Таким образом, изучение статистических материалов на уровне отдельных сельсоветов и населенных пунктов позволяет выявить темпы эволюции семьи в 1950-е гг. Установлено, что самые многочисленные семьи в составе одного домохозяйства были не в колхозах и совхозах, а в промышленно развитых поселках, которые находились вблизи городов или сами приобретали статус городских поселков. Большой состав семей рабочих и служащих в таких поселениях был связан не с многодетностью, а с составным характером семей, когда несколько семей были вынуждены входить в одно хозяйство. Такое сожителство не имело патриархального характера с неколебимым авторитетом старшего главы семейства, а было обусловлено перенаселенностью ускоренно развивающихся поселков.

Заключение

В целом институт семьи и брака в российской деревне в период «оттепели» начал претерпевать значительные изменения. Они были вызваны серьезным демографическим сдвигом, последовавшим после Великой Отечественной войны, на фоне роста продолжающихся процессов урбанизации и проводимой государством демографической политики.

В Поволжье, в частности Куйбышевской области, наметилась тенденция к сокращению числа браков. Несмотря на то что тогдашнее сельское население было, по сути, семейным, что было обусловлено традиционностью и патриархальностью уклада, наметилось уменьшение показателей семейственности. Возросла тенденция к простому нерегистрируемому сожителству; холостячество и одинокое материнство в повседневной практике не являлись исключительными случаями.

Увеличился возраст вступления в брак (20—24 года) за счет удлинения периода детства. В то же время возросла популярность разводов, несмотря на усложнение их процедуры. Произошли значительные сдвиги в восприятии семейной жизни, связанные с утверждением принципа нуклеарной семьи. При этом составной характер семей преобладал в промышленно развитых поселках вблизи городов и был обусловлен вынужденным сожителством в условиях перенаселения.

Традиционная крестьянская семья претерпела ряд значительных изменений: нуклеаризация семьи и сокращение ее численности сопровождались трансформацией внутрисемейных отношений, увеличением периода детства и внимания к детям, формированием сознательного подхода к планированию семьи. Указанные обстоятельства способствовали формированию предпосылок постепенного уменьшения численности населения в России, завершившегося к концу XX века масштабным социально-демографическим упадком. В условиях социалистической экономики сокращение численности сельских жителей провоцировало аграрный кризис, приводило к уменьшению потребления и экспорта продукции, снижению уровня жизни населения, угрожало безопасности и экономическому благополучию страны.

Список источников

1. Андреев С. Н. Совхозно-колхозная система в первой половине 1960-х годов: проблемы развития и антикризисные рекомендации ученых-экономистов // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 109—120. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-4-10.
2. Безнин М. А., Димони Т. М. Производственный социум России 1950—1980-х гг.: грани и границы (к вопросу об определении объекта исследования) // Метаморфозы истории. 2023. № 29. DOI: 10.37490/S241436770027762-8.
3. Вербицкая О. М. Население российской деревни в 1939—1959 гг.: проблемы демографического развития. М. : ИРИ РАН, 2002. 318 с.

4. Вишневский А. Г. Избранные демографические труды : в 2 т. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. М. : Наука, 2005. 366 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Таблица 2,5. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_59.php?reg=34&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 11.07.2025).
6. Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Новое издательство, 2006. 608 с.
7. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М. : Кучково поле : Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.
8. Ильиных В. А. Аграрный вопрос в Сибири XX в.: модернизаторы и модернизируемые // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 123—127. URL: <https://izvestiahist.isu.ru/ru/article/file?id=413>.
9. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
10. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. М. : Госстатиздат, 1962. 284 с.
11. Кабытов П. С., Чирков М. С. Новейшая историография российского крестьянства периода «оттепели»: подходы и основные направления (конец XX — начало XXI в.) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2025. Т. 7, № 1. С. 131—142. DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-1-131-142.
12. Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М. : Политическая энциклопедия, 2024. 663 с.
13. Корнилов Г. Е. Аграрный переход в России в XX веке: особенности, темпы, результаты // История науки и техники. 2018. № 1. С. 78—92.
14. Кузнецова О. В. Повседневность и демографические процессы населения целинных районов Оренбургской области // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 47—56. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-2-47-56.
15. Население России за 100 лет (1897—1997) : стат. сб. М. : Московский издат. дом, 1998. 222 с.
16. Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1916. 208 с.
17. Попов В. П. Очерки советской экономики: характер, механизмы, резервы, демографические последствия. М. : Новый хронограф, 2020. 123 с.
18. Распутин В. Г. Прощание с Матерой. Пожар. М. : АСТ, 2023. 384 с.
19. Репинецкий А. И. Демографическое эхо войны: Оренбургский край между двумя всесоюзными переписями населения (1939—1959 гг.) // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2020. Т. 1. С. 185—188.
20. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1535—1548.
21. Семькин Е. И. Изменение структуры и форм учета фактов детской и младенческой смертности в ежегодной демографической отчетности Красноярского края в 1959—1985 гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 271—282. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-271-282.
22. СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922—1991) / отв. ред. О. А. Сухова. Пенза : Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2022. 764 с.
23. Сухова О. А., Иноземцев И. Н. Экологическая культура советского крестьянства: традиционные ценности и вызовы современности // Вестник архивиста. 2022. № 3. С. 877—890. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-3-877-890.
24. Томилин В. Н. Государство и колхозы: 1946—1964 гг. М. : АИРО-XXI, 2021. 442 с.
25. Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945—1953 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 358 с.
26. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2521. Оп. 15. Д. 1159.
27. ЦГАСО. Ф. Р-2521. Оп. 15. Д. 1160.
28. ЦГАСО. Ф. Р-2521. Оп. 19. Д. 346.
29. ЦГАСО. Ф. Р-2521. Оп. 19. Д. 407.
30. ЦГАСО. Ф. Р-2521. Оп. 19. Д. 475.
31. ЦГАСО. Ф. Р-2521. Оп. 19. Д. 536.
32. ЦГАСО. Ф. Р-2521. Оп. 20. Д. 2298а.
33. ЦГАСО. Ф. Р-2521. Оп. 20. Д. 3282.
34. ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 10. Д. 310.
35. ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 10. Д. 323.

36. Чернышева Н. В. Этнодемографические процессы у удмуртов Кировской области в советский период // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 431—443. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.04.431-443.

References

1. Andreenkov S. N. Sovkhozno-kolkhoznaya sistema v pervoi polovine 1960-kh godov: problemy razvitiya i antikrizisnye rekomendatsii uchenykh-ekonomistov [State and collective farm system in the first half of the 1960s. Development problems and anti-crisis recommendations of scientific economists]. *Istoricheskii kur'er — Historical Courier*, 2021, no. 4 (18), pp. 109—120. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-4-10. (In Russian)
2. Beznin M. A., Dimoni T. M. Proizvodstvennyi sotsium Rossii 1950—1980-kh gg.: grani i granitsy (k voprosu ob opredelenii ob'ekta issledovaniya) [The productive society of Russia of the 1950—1980s: facets and boundaries (on the question of determining the object of research)]. *Metamorfozy istorii — Metamorphoses of History*, 2023, no. 29. DOI: 10.37490/S241436770027762-8. (In Russian)
3. Verbitskaya O. M. *Naselenie rossiiskoi derevni v 1939—1959 gg.: problemy demograficheskogo razvitiya* [Population of the Russian village in 1939—1959. Problems of demographic development]. Moscow, IRI RAN Publ., 2002. 318 p. (In Russian)
4. Vishnevskii A. G. *Izbrannye demograficheskie trudy: v 2 t. T. 1. Demograficheskaya teoriya i demograficheskaya istoriya* [Selected demographic works. In 2 vols. Vol. 1. Demographic theory and demographic history]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 366 p. (In Russian)
5. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda. Tablitsa 2,5. Raspredelenie vsego naseleniya i sostoyashchikh v brake po polu i vozrastu* [All-Union population census of 1959. Tables 2.5. Distribution of the total population and married persons by sex and age]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_59.php?reg=34&gor=3&Submit=OK Accessed: 11.07.2025. (In Russian)
6. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900—2000* [Demographic modernization of Russia, 1900—2000]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 608 p. (In Russian)
7. Zhiromskaya V. B. *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Main trends in the demographic development of Russia in the 20th century]. Moscow, Kuchkovo pole, Soyuz semei voennosluzhashchikh Rossii Publ., 2012. 320 p. (In Russian)
8. Il'inykh V. A. Agrarnyi vopros v Sibiri XX v.: modernizatory i moderniziruemye [The agrarian question in Siberia in the XX century. The modernizers and retrofit]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya — The Bulletin of Irkutsk State University. Ser. History*, 2017, vol. 21, pp. 123—127. Available at: <https://izvestiahist.isu.ru/ru/article/file?id=413>. (In Russian)
9. Isupov V. A. *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the 20th century. Historical and demographic essays]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2000. 244 p. (In Russian)
10. *Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 goda. SSSR* [Results of the 1959 All-Union population census. USSR]. Moscow, Gosstatizdat Publ., 1962. 284 p. (In Russian)
11. Kabytov P. S., Chirkov M. S. Noveishaya istoriografiya rossiiskogo krest'yanstva perioda “ottepeli”: podkhody i osnovnye napravleniya (konets XX — nachalo XXI v.) [The contemporary historiography of the Russian peasantry during the “Thaw” period: approaches and main directions (late 20th — early 21st century)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Istoricheskie nauki — Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences History Sciences*, 2025, vol. 7, no. 1, pp. 131—142. DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-1-131-142. (In Russian)
12. Kondrashin V. V. *Rossiiskaya derevnya v usloviyakh industrial'noi modernizatsii* [The Russian village in the context of industrial modernization]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2024. 663 p. (In Russian)
13. Kornilov G. E. Agrarnyi perekhod v Rossii v XX veke: osobennosti, tempy, rezul'taty [Agrarian transition in Russia in the Twentieth century: features, rates, results]. *Istoriya nauki i tekhniki — History of Science and Engineering*, 2018, no. 1, pp. 78—92. (In Russian)
14. Kuznetsova O. V. Povsednevnost' i demograficheskie protsessy naseleniya tselinnykh raionov Orenburgskoi oblasti [Everyday life and demographic processes in virgin lands of Orenburg region]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya — Humanities and Law Research*, 2019, no. 2, pp. 47—56. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-2-47-56. (In Russian)
15. *Naselenie Rossii za 100 let (1897—1997) : stat. sb.* [Population of Russia over 100 years (1897—1997). Stat. collect.]. Moscow, Moskovskii izdat. dom Publ., 1998. 222 p. (In Russian)
16. Novosel'skii S. A. *Obzor glavneishikh dannykh po demografii i sanitarnoi statistike Rossii* [Review of the most important demographic and health statistics data for Russia]. Petrograd, Tip. Min-va vnutr. del Publ., 1916. 208 p. (In Russian)

17. Popov V. P. *Ocherki sovetskoi ekonomiki: kharakter, mekhanizmy, rezervy, demograficheskie posledstviya* [Essays on the Soviet economy. Character, mechanisms, reserves, and demographic consequences]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2020. 123 p. (In Russian)
18. Rasputin V. G. *Proshchanie s Materoi. Pozhar* [Farewell to Matera. The fire]. Moscow, AST Publ., 2023. 384 p. (In Russian)
19. Repinetskii A. I. Demograficheskoe ekho voyny: Orenburgskii krai mezhdv dvumya vsesoyuznymi perepisyami naseleniya (1939—1959 gg.) [Demographic echoes of war: the Orenburg region between two All-Union population censuses (1939—1959)]. *Desyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sb. statei mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t.* [The Tenth Bolshakov readings. The Orenburg region as a historical and cultural phenomenon. A collect. of art. from the International sci. and pract. conf. In 2 vols.]. Orenburg, OGPU Publ., 2020, vol. 1, pp. 185—188. (In Russian)
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics]. F. 1562. Op. 336. D. 1535—1548.
21. Semykin E. I. Izmenenie struktury i form ucheta faktov detskoi i mladencheskoi smertnosti v ezhegodnoi demograficheskoi otchetnosti Krasnoyarskogo kraia v 1959—1985 gg. [Changes in the structure and forms of accounting for the child and infant mortality facts in the annual demographic reporting of the Krasnoyarsk region in 1959—1985]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal — Socio-economic and Humanitarian Magazine*, 2024, no. 1, pp. 271—282. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-271-282. (In Russian)
22. *SSSR: agrarnaya politika i regional'nye osobennosti ee realizatsii (1922—1991)* [USSR. Agrarian policy and regional peculiarities of its implementation (1922—1991)]. Penza, Penzenskii gos. un-t Publ., 2022. 764 p. (In Russian)
23. Sukhova O. A., Inozemtsev I. N. Ekologicheskaya kul'tura sovetskogo krest'yanstva: traditsionnye tsennosti i vyzovy sovremennosti [Ecological culture of the soviet peasantry. Traditional values and modern challenges]. *Vestnik arkhivista — Herald of an Archivist*, 2022, no. 3, pp. 877—890. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-3-877-890. (In Russian)
24. Tomilin V. N. *Gosudarstvo i kolkhozy: 1946—1964 gg.* [The state and collective farms: 1946—1964]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2021. 442 p. (In Russian)
25. Khasyanov O. R. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo krest'yanstva perioda pozdnego stalinizma. 1945—1953 gg.* [Everyday life of the soviet peasantry in the late Stalin period. 1945—1953]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 358 p. (In Russian)
26. *Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [Central State Archives of the Samara region] (TsGASO). F. R-2521. Op. 15. D. 1159.
27. TsGASO. F. R-2521. Op. 15. D. 1160.
28. TsGASO. F. R-2521. Op. 19. D. 346.
29. TsGASO. F. R-2521. Op. 19. D. 407.
30. TsGASO. F. R-2521. Op. 19. D. 475.
31. TsGASO. F. R-2521. Op. 19. D. 536.
32. TsGASO. F. R-2521. Op. 20. D. 2298a.
33. TsGASO. F. R-2521. Op. 20. D. 3282.
34. TsGASO. F. R-2558. Op. 10. D. 310.
35. TsGASO. F. R-2558. Op. 10. D. 323.
36. Chernysheva N. V. Etnodemograficheskie protsessy u udmurtov Kirovskoi oblasti v sovetskii period [Ethnodemographic processes among the Udmurts of the Kirov region during the soviet period]. *Finno-ugorskii mir — Finno-Ugric World*, 2024, vol. 16, no. 4, pp. 431—443. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.04.431-443. (In Russian)

Информация об авторе

М. С. Чирков — кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

M. S. Chirkov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 18.07.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025;
принята к публикации 20.11.2025

The article was submitted 18.07.2025; approved after reviewing 29.09.2025;
accepted for publication 20.11.2025